УДК 94(32).07

М. М. Холод

DOI: 10.25990/mnemon.81gv-q424

Александр Великий в «Хронике» Иоанна Никиуского*

Холод, Максим Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: m.holod@spbu.ru; mmkholod@yandex.ru.

В статье анализируется один из эпизодов, приведенных в «Хронике» Иоанна Никиуского (конец VII в.), а именно изложение им истории Александра Великого. Показано, что хотя сведения, касающиеся македонского царя, хронист черпал главным образом из труда Иоанна Малалы (VI в.), он обращался в данной связи и к ряду других источников. К сожалению, идентифицировать их не представляется возможным. Эти источники Иоанн Никиуский использовал, чтобы или дополнить, или исправить, когда считал нужным, то, что он находил у Малалы.

Ключевые слова: Иоанн Никиуский, Александр Великий, византийская хронография, Иоанн Малала, греческий «Роман об Александре».

Alexander the Great in the Chronicle by John of Nikiu

Kholod, Maxim Mikhailovich — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Institute of History; Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: m.holod@spbu.ru; mmkholod@yandex.ru.

The article analyses one of the stories given in the Chronicle by John of Nikiu (late 7th century AD), namely that of Alexander the Great. The author shows that although the information on the Macedonian king was taken by the chronicler mainly from the writing by John Malalas (6th century AD), he also used in this connection a number of other sources. Unfortunately, it is impossible to identify them. John of Nikiu employed these sources either to supplement or correct, when he considered it necessary, the material he found in Malalas.

Keywords: John of Nikiu, Alexander the Great, Byzantine chronography, John Malalas, the Greek Alexander Romance.

---

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00493, выполняемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 22(1–2). 2022. С. 297–317.
© М. М. Холод

«Хроника» Иоанна, епископа города Никиу в Египте[1], написанная, как кажется, на греческом языке в конце VII в. (и дошедшая до нас в переводе на геэз, сделанном в 1601 г. с арабского перевода оригинала, также не сохранившегося), относится к числу тех произведений византийской литературы[2], которые в общем не избалованы широким к себе вниманием[3]. Несмотря на то

[1] Издание: Zotenberg 1883, с французским пер. и комментарием; английский пер. с кратким комментарием: Charles 1916.

[2] Согласимся с С. А. Французовым, который характеризует эту «Хронику» как «законченное самостоятельное произведение ранневизантийской провинциальной историографии» (Французов 2010b, 77). И правда, даже независимо от того, каким был первоначальный язык данного произведения (см. ниже, прим. 3), на наш взгляд, вполне очевидно, что оно ничем существенно не отличается от других известных нам образцов византийской хронографической литературы, а следовательно, будучи написанным сходным образом (несомненно, что Иоанн Никиуский строил его технически по их модели), должно считаться принадлежащим именно к их кругу. Поэтому вызывает удивление обычное игнорирование «Хроники» Иоанна Никиуского в обзорах, посвященных византийскому хронографическому жанру. Из сравнительно новых таких обзоров см., к примеру: Croke, Scott 2017. Кроме того, см.: Jouanno 2001; 2018a, где сочинение Иоанна Никиуского также не упоминается среди произведений византийских хронистов, отражающих историю Александра.

[3] Общую информацию об Иоанне Никиуском и его «Хронике», а также ее последующих переводах (с указанием более ранних релевантных исследований) см.: Johnson 1991, 1066; Frazer 1991; Witakowski 2006, 288–289; Weninger 2007; Fiaccadori 2009; Howard-Johnston 2010, 181–189; Французов 2010a; 2010b; Elagina 2018, xxvi–xliv. О том, что перевод «Хроники» на арабский был сделан, скорее всего, в конце XII–XIII вв., см.: Французов 2010b, 80. Что же касается языка, на котором был написан ее оригинал, то он точно неизвестен. На сегодняшний день спор ведется в основном о том, был ли первоначальный текст сочинения полностью коптским либо греческим (идея А. Зотенбера о применении обоих этих языков для разных частей сочинения сейчас уже никем не разделяется). Относительно этого, помимо прочих работ, указанных выше, см. полезный обзор: Elagina 2018, xxxvi–xxxviii. Признавая всю сложность решения данной проблемы, мы, впрочем, склонны поддерживать ту точку зрения, согласно которой оригинальным языком «Хроники» был все же греческий (см. теперь особенно: Французов 2010b, 79). При этом упомянем здесь два аргумента, которые, наряду с другими, подчас и выдвигаются в пользу использования именно коптского языка для создания данного произведения. Первый: было бы странно, чтобы Иоанн Никиуский написал свой труд на языке сторонников решений Халкедонского собора, врагов коптских монофизитов. Второй: ни Иоанн Никиуский, ни его произведение не оставили по себе и следа в византийской литературе (в частности, см.: Frazer 1991, 1367; Fiaccadori 2009, 212; Howard-Johnston 2010, 185). Назвать эти аргументы убедительными, по нашему мнению, нельзя. В самом деле, если следовать логике первого из них, то тогда Иоанн Никиуский должен был бы отказаться и от чтения на греческом языке, чего, конечно, быть никак не могло. Если же говорить о втором аргументе, то

что в ней описываются события начиная от сотворения мира, исследователи обращаются к этому сочинению как историческому источнику обычно лишь при изучении ранней Византии, прежде всего перипетий арабского завоевания Египта[4], упуская таким образом из вида значительную часть его повествования. Конечно, нельзя сказать, что подобная избирательность в отношении текста сочинения Иоанна Никиуского случайна. Действительно, вполне естественно, что в центре внимания ученых оказывается изложение хронистом именно этих событий, ибо главным образом оно и содержит весьма важные, во многом уникальные сведения, тогда как описание им происходившего в более ранние времена особой исторической значимостью, за некоторым исключением, не обладает. Чем бы, однако, ни обуславливался недостаток интереса к этой части повествования Иоанна Никиуского, совершенно очевидно, что такое положение дел не позволяет должным образом оценить его произведение как единое целое. Отсюда, на наш взгляд, возникает острая необходимость в более пристальном к ней внимании, а вместе с тем и к содержащимся в данной части отдельным сюжетам. Один из таких сюжетов и будет рассмотрен в настоящем очерке, а именно изложение Иоанном Никиуским истории Александра Великого. Обратиться к этому сюжету побуждает нас к тому же и то обстоятельство, что он, насколько нам известно, никогда еще не становился предметом исследования.

* * *

В «Хронике» Иоанна Никиуского Александр появляется дважды. Первый раз о нем кратко говорится в конце рассказа о подчинении Египта Камбисом и последующих перипетиях отношений этой страны с персидскими царями из династии Ахеменидов:

> (LI, 61 Zotenberg)[5] Тогда узнал Нектанаб[6], который был последним из фараонов, от великих чародеев (а ведь сам он был еще и прорицателем и вопрошал нечистых бесов), будет ли он царство-

понятно, что завоевание арабами Египта отнюдь не способствовало дальнейшему распространению, а значит, и знакомству в Византии с его литературной продукцией, тем более созданной монофизитами и не казавшейся принципиально важной.

[4] См., к примеру: Butler 1978; Большаков 2002, 103–127; Sijpestejn 2007; Booth 2013; Christides 2016, 748–768.

[5] Перевод с геэза обоих пассажей из сочинения Иоанна Никиуского, приведенных ниже, выполнен С. А. Французовым, за что мы ему весьма благодарны. Удобное деление внутри глав, которое отсутствует в тексте, изданном А. Зотенбером, перенято нами из его английского перевода Р. Г. Чарльза.

[6] Сэктанафус, т.е. Нектанаб. По поводу формы Нектанаб, а не Нектанеб см. ниже, прим. 16.

вать над египтянами или нет. И после этого был он извещен и узнал наверняка от бесов, что не будет царствовать над египтянами. Обрил он свою голову, изменил свой облик и бежал. И пошел в город Фарама[7], а затем пошел в Македонию и поселился там. (62) А египтяне пребывали в подчинении у Юлиана[8], пока не пришел Александр эл-Бэнтарйус[9], толкование имени которого — «завоеватель мира». И он убил Хэстатэса[10], царя Персии. (63) И через некоторое время воцарился Ох над Персией на 12 лет. И после этого царствовал Артаксеркс 13 лет. И после него царствовал Дарий, которого прозвали Акрэйус[11], 6 лет. А затем Александр поднялся на него, убил его и отобрал у него Вавилонское царство, ибо Александр Македонский, сын Филиппа, был завоевателем мира.

Второй раз, несколько ниже (после сообщения о раннем италийском/римском и карфагенском пошлом, а также лаконичной информации о царствовании Филиппа II в Македонии), приводится рассказ уже собственно об Александре и его завоеваниях:

(LIX, 1) А Александр Македонский, сын Филиппа, когда воцарился, основал великий город Александрию в стране Египетской и назвал его по своему имени Александрия, (2) а прежде его название было Ракуди на языке египтян[12]. После этого пошел он войной на страну Персидскую. [И достиг он] границы Европы (Аузаз)[13] и обустроил там место, куда собрались его воины и все

[7] Греч. Пелусий, араб. ал-Фарамā.

[8] См. ниже.

[9] По А. Зотенберу, речь здесь идет о греч. слове ὁ πάνταρχος (Zotenberg 1883, 276). Скорее всего, это так, ибо его значение («повелитель всего», «владыка мира») пусть и не совсем точно, но в общем согласуется с приведенным далее в тексте толкованием, связанным с именем Александра.

[10] См. ниже.

[11] Правильная форма этого имени остается для А. Зотенбера неясной (Zotenberg 1883, 276, n. 4).

[12] Егип. *Rʿ-qdt*, греч. Ῥακῶτις (ср. ниже с искаженной формой, приведенной у Малалы, VIII, 1: Ῥακοῦστις).

[13] Предлагаемое А. Зотенбером отождествление этого топонима с Европой (Zotenberg 1883, 282, n. 3), хотя оно вроде бы и соответствует тому, что говорится в данном случае в тексте Малалы (VIII, 1), не бесспорно. А не мог ли так быть передан топоним Азия? Ср. с тем, как названа у Иоанна Никиуского Европа в LIX, 10: «Филипп, его (Александра. — *М.Х.*) старший брат, взял страну Македонию и стал царем в ней и во всей Европе (Аурэйа)».

его войска. И там дал он много золота своим военачальникам и всем своим полководцам и своим многочисленным войскам и назвал то место Хрисополь. И так называют его все люди Византии[14]. (3) И когда Александр пошел войной на Персию, убивал многих из войск Дария, пока не истребил их. И захватил он все царство Дария и взял власть над ним. (4) А еще захватил он его дочь по имени Роксана, а она была девой, и взял ее себе в жены и не делал ей худого. (5) И царице Абиссинии по имени Кандака не причинил он вреда из-за ее великого ума, ибо она услышала сказание о деяниях Александра и о его обычаях: о том, что он выступал вместе с лазутчиками, когда хотел пойти войной на царей земных. (6) И вот царица Кандака узнала его, когда он пришел к ней с лазутчиками, захватила его и сказала ему: «Ты — Александр, царь, который захватил весь мир, а сегодня ты захвачен женщиной!» (7) И сказал он ей: «Благодаря твоему разумению, утонченности твоего ума и мудрости твоей ты захватила меня. Я же отныне буду хранить тебя от зла, тебя и чад твоих, и возьму тебя себе в жены». (8) И когда услышала она это, пала ему в ноги и заключила с ним союз, и он сделал ее своей женой. И после этого подчинились ему абиссинцы. (9) Александр же, когда умирал, царство свое поделил между 4 своими сподвижниками, которые помогали ему в войнах.

В изложении данных событий (как в значительной степени и всей истории вплоть до конца правления Юстиниана I) Иоанн Никиуский основывался непосредственно на сочинении другого Иоанна — Иоанна Малалы (VI в.)[15]. Чтобы убедиться в этом, достаточно просто сравнить вышеприведенные фрагменты с соответствующей частью текста последнего:

---

[14] Под Византией тут, скорее всего, имеется в виду город Византий. Ср.: Zotenberg 1883, 282, n. 4.

[15] Для нас это представляется очевидным. См., однако: Elagina 2018, xxxi–xxxii, которая проявляет, на наш взгляд, излишнюю осторожность, сомневаясь в том, что Иоанн Никиуский использовал труд Малалы напрямую. Действительно, учитывая огромную схожесть их текстов, совершенно непонятно, почему следует непременно допускать нечто иное, кроме простого признания наличия у Иоанна Никиуского непосредственного доступа к сочинению Малалы. Что же касается иногда встречающихся у Иоанна Никиуского разночтений с текстом Малалы, то они вполне объяснимы состоянием рукописного наследия последнего, а также знакомством Иоанна Никиуского и с другими сочинениями, позволявшим ему, если он находил нужным, дополнять и исправлять Малалу. О таких его дополнениях и исправлениях в тех пассажах, которые процитированы выше, см. далее.

(VII, 17 Thurn) […] Повел он (Артаксеркс III Ох. — *М.Х.*) войну против египтян, и захватил он всю землю Египта и погубил ее. В Египте же тогда царствовал Нектанаб[16]. Посредством чаши получил он пророчество и узнал, что Оху, царю персов, надлежит захватить Египет. Обрив голову свою и сняв царские одежды свои, бежал Нектанаб через Пелусий и прибыл в Пеллу, город в Македонии.

И случилось в то время общеизвестное относительно Олимпиады и Нектанаба, что неким обманом была она им соблазнена и зачала Александра, который, говорили, зачат от Зевса Аммона. Итак, первое царство египтян и фиванцев существовало 1493 года. Это указал Эйреней, мудрый хронограф.

(18) […] И возгордились тогда ассирийцы и Ох, царь их. И правили они тиранически всей землей, и царство было передано в руки ассирийцев, персов, мидийцев и парфян.

(19) […] После Филиппа царствовал в Македонии Александр, сын Филиппа. А после Оха царствовал над вавилонянами мидиец Дарий, сын Ассалама. И он повелевал всеми […]

(VIII, 1) В четвертый год царствования мидийца Дария, сына Ассалама, двинул Бог против ассирийцев, персов, парфян и мидийцев Александра, топарха, или царя, Македонии, сына Филиппа. И основал Александр великую Александрию, известную прежде как деревня Ракустис. И назвал он ее по своему имени Александрией, принеся в жертву юную деву, нареченную им Македонией. Основал Александр и святилище Сераписа Гелиоса, и общественные бани, зовущиеся Гиппос, и другие святилища. Склонив к себе единодушных и благородных полководцев, которые были сердиты на безумие ассирийцев, царь Александр первым выставил войско против Дария, царя персов. Прибыв в Визуполь в Европе, основал он там место, которое назвал Стратегий. Ведь здесь занимался он в качестве полководца делами войны вместе с войском своим и союзниками своими. Оттуда переправился Александр со своими воинами в расположенное напротив в Вифинии торговое место, зовущееся Диски. Желая склонить к себе свои войска, раздал он им там много золота и переименовал это торговое место в Хрисополь. И так называется оно по сию

[16] Νεκταναβώ. Обычные формы на греч. — Νεκτανεβός/-βῶς, егип. *Nḫt-Ḥr-Ḥbyt* (Нектанеб II). Иоанн Никиуский, следуя Малале, повторяет его форму имени этого правителя (см. выше).

пору. Выступив оттуда, прибыл он в Трою. И, совершив жертвоприношение на могиле Ахилла, ибо происходил из рода его, попросил Александр его дух помогать ему в войне. Ведь Олимпиада, мать Александра Македонского, возводила свое происхождение к Молоссу, сыну Пирра и Андромахи. И тотчас, подобно барсу, Александр устремился оттуда и вместе с полководцами, которые были с ним, овладел всеми землями. Победив Дария, царя персов, сына Ассалама, захватил он и его, и все его царство, и всю землю ассирийцев, мидийцев, парфян, вавилонян и персов, и все царства земли, как мудрейший Боттий написал. Освободил Александр города, области и всю землю римлян, греков и египтян от подчинения и рабства ассирийцев, персов, парфян, мидийцев, и отдал он римлянам все то, что они утратили.

(2) Итак, от Адама до Александра Македонского прошло 5557 лет […]

(3) Положен был в то время конец персидской стране и царству ее, и поработили македоняне и Александр вместе с союзниками, которые были с ним, землю халдеев, мидийцев, персов и парфян. Победив и убив Дария, вступил он в царство Дария. И дал Александр законы земле их и царствовал над ними. И воздвигли персы ему в Вавилоне колонну с бронзовой конной статуей, которая стоит до сих пор.

Захватив же в плен дочь Дария, царя персов, Роксану, бывшую девой, взял Александр ее в жены. Овладел Александр и всей индийской страной и царствами ее, пленив Пора, царя индийцев. Покорил он и все остальные царства народов, кроме царства вдовы Кандаки, правившей над индийцами из глубинной части страны. Захватила она Александра следующим образом.

У Александра был обычай приходить вместе с послами, отправляемыми от него к враждебным царям, в одежде воина и наблюдать, каков тот или иной царь. Узнав об этом, царица Кандака выведала, какая у него внешность и какие особые приметы он имеет. Было ей сказано, что он низок ростом, зубы имеет большие и заметные, один глаз у него голубой, а другой черный. И отметила она это для себя. Итак, узнала Кандака его, прибывшего к ней вместе с теми, кто был отправлен от него, по приметам, задержала и сказала ему: «Царь Александр, ты захватил весь мир, а тебя захватила одна женщина». Александр же молвил ей: «Из-за усердия и быстроты ума твоего я оставлю в безопасности и тебя,

и землю твою, и сыновей твоих и возьму тебя в жены». Услышав это, отдала Кандака ему себя. И взял Александр ее тотчас с собой и вступил в Эфиопию и другие земли.

А перед смертью распорядился Александр, чтобы все телохранители и союзники, которые были с ним, царствовали над той землей, где он их оставил, и владели тамошними местами. Прожил же Александр 36 лет, царствовал, подчинив все, 17 лет, война его продолжалась 9 лет, и покорил он 22 варварских народа и 13 эллинских племен и основал вместе с теми, которые были с ним, многие города.

(4) Итак, от Адама до смерти Александра Македонского прошло 5593 года, как написал хронограф Феофил.

(5) А после смерти Александра Македонского земли, которые подчинил он со своими союзниками, были поделены на 4 топархии, или царства. И царствовали над ними македоняне, соратники Александра, как он распорядился, следующим образом […]

Итак, ясно, что Иоанн Никиуский, имея перед собой сочинение Малалы, переложил в своем труде найденные у того сведения об Александре (которые, как это видно, являются причудливой смесью исторического с неточностями, ошибками и просто откровенной выдумкой, причем при значительном преобладании последних). То, что отличает в данном случае его текст от текста Малалы, обусловлено его сокращением и некоторыми добавлениями, сделанными уже самим хронистом. Попробуем ниже выяснить, чем именно руководствовался Иоанн Никиуский, сокращая и дополняя рассказ Малалы об Александре[17]. К тому же, думается, это даст нам возможность лучше понять, как работал Иоанн Никиуский и над остальным своим повествованием, по крайней мере, той его частью, для которой главным источником выступал Малала.

Начнем с начала, т.е. с эпизода о бегстве Нектанеба из Египта в Македонию и его пребывании там, заимствованного Малалой (либо его источником) из греческого «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена (I, 1–12 Kroll)[18].

[17] Конечно, не исключено, что и сам оригинальный текст Иоанна Никиуского был в свою очередь сокращен (а может быть, и как-то дополнен) позднее, т.е. уже в процессе деятельности переводчиков. Однако обнаружить отчетливые следы подобных изменений, по крайней мере, в пассажах, касающихся истории Александра, не представляется возможным. Поэтому остается явно за лучшее приписывать все встречающиеся здесь сокращения рассказа Малалы (и дополнения к нему) исключительно Иоанну Никиускому.

[18] Вопрос об источниках для сочинения Малалы, включая и его рассказ об Александре, сложен, а следовательно, и дискуссионен. По данному вопросу в целом см. прежде всего: Bourier 1899; Jeffreys 2017; относительно его отдельных аспектов см.

Сам Малала воспроизводит данный эпизод у себя очень кратко, указывая при этом, что то, как Нектанебу удалось соблазнить Олимпиаду, которая в результате забеременела Александром, является «общеизвестным». Иоанн Никиуский более лаконичен: он вообще опускает историю о зачатии Олимпиадой Александра от Нектанеба. О причине этого приходится только догадываться. Не исключено, что Иоанн Никиуский нашел данную историю попросту не внушающей доверия, а потому и не достойной упоминания, как и автор «Пасхальной хроники» (170a Dind.) (первая половина VII в.), к которой он мог в данном случае также обращаться (по крайней мере, примечательно, что Иоанн Никиуский, сходно с «Пасхальной хроникой», называет Нектанеба «последним из фараонов», тогда как Малала об этом умалчивает[19]). Вполне допустимо, что подобная позиция Иоанна Никиуского была обусловлена его негативным отношением к Нектанебу, четко видным из текста сочинения (в отличие от Малалы, отношение которого к Нектанебу скорее нейтральное). Признать достоверным, что Александр — безусловно положительная для Иоанна Никиуского, как и для других византийских хронистов, фигура[20] — был рож-

теперь также специальный сборник: Carrara, Meier, Radtki-Jansen 2017. Если говорить о рассказе Малалы об Александре, то хотя в нем и имеются ссылки на Боттия, Эйренея и Феофила (о каждом из этих авторов см.: Jeffreys 2017, 174, 179, 194), есть основания полагать, что ни один из них на самом деле не служил для него источником (более того, Малала, по всей вероятности, вообще не обращался к их произведениям напрямую, но лишь через вторые либо даже третьи руки). Насколько можно судить, тем автором, труд которого Малала использовал непосредственно при создании своего рассказа об Александре (а вместе с тем и значительной части прочего своего повествования), был Домнин (Ioann. Mal., praef. Thurn), историк V в. (о нем: Jeffreys 2017, 178–179). См.: Bourier 1899, 58–61; Jeffreys 2017, 196–216; ср.: Jouanno 2001, 94, n. 5; 2018b, 464. Выступал ли, однако, Домнин, сочинение которого до наших дней не сохранилось, единственным в данном случае источником Малалы, сказать трудно. По крайней мере, по нашему мнению, отнюдь нельзя исключать той возможности, что Малала был и сам, а не просто через посредничество Домнина знаком с греческим «Романом об Александре» Псевдо-Каллисфена, причем в его наиболее ранней редакции α (по всей вероятности, вторая половина III в.), пусть он и не упоминает его среди своих источников. Из трудов, посвященных греческому «Роману о Александре», назовем здесь лишь несколько: Merkelbach 1977; Stoneman 1991; Nawotka 2017. По поводу отражения у Малалы именно редакции α данного произведения см.: Jouanno 2001, 94–95, n. 4; ср.: Jouanno 2018a, 226; 2018b, 464. Ниже при упоминании в настоящем очерке «Романа об Александре» будет иметься в виду исключительно эта его редакция.

[19] LI, 61: ተፍጻሜተ፡ ፈርዖናት፡; Chr. Pasch., 170a Dind.: βασιλεύς τελευταῖος Αἰγύπτου, Φαραὼ κεκλημένος. Ср.: Exc. lat. barb., p. 266 Frick: *novissimus Farao regni Egypti* (относительно этого сочинения см. ниже, прим. 25).

[20] На данный счет см. особенно: Jouanno 2001; 2018a. Кроме того, об образе Алек-

ден, пусть и посредством обмана, от царя-прорицателя, общавшегося с «чародеями» и «нечистыми бесами», он, пожалуй, едва ли мог[21]. К тому же Иоанн Никиуский помещает сообщение о Нектанебе в контекст именно египетской истории, а не связывает его правление, как Малала, с идеей последовательной смены царств древности. Поэтому также не исключено, что Иоанн Никиуский опустил историю о зачатии Александра в Македонии, ибо посчитал ее, в добавок к своему неверию в ее правдивость, еще и лишней, не имеющей непосредственного отношения к описываемой им цепи собственно египетских событий.

Вместе с тем следует заметить, что в их изложении Иоанн Никиуский опирался не на сочинение Малалы (из него он взял сюда только эпизод с Нектанебом), а на какой-то не дошедший до нас другой источник (либо источники), скорее всего египетского происхождения, где содержались сведения по местной истории, в особенности касающиеся отношений египтян с персами. Если начало использования такого источника (либо источников) Иоанном Никиуским приходится на его сообщение о выступлении Камбиса в поход на Египет, когда он отходит от рассказа Малалы (LI, 17)[22], то его конец, как представляется, четко фиксируется после слов об убийстве Александром Дария, названного Хэстатэсом, т.е., по всей вероятности, Гистаспом[23]. В самом

сандра в византийской литературе вообще см., помимо прочего: Jouanno 2000–2001, 310–321; 2018b; Moennig 2016, 163–180; Kaldellis 2022.

[21] Ср.: Yirga 2020, 105–106.

[22] Нет сомнения, что далее часть этой главы (17–37) имеет четкие параллели с так называемым «Романом о Камбисе», анонимным сочинением, дошедшем до нас фрагментарно в рукописи на саидском диалекте коптского языка (если не считать лакун в самом тексте, у нее отсутствуют начало и конец). Первая публикация: Schäfer 1899. В общем об этом сочинении и проблемах, связанных с ним, см.: Jansen 1950, 1–59; Müller 1991, 2060–2061; Elagina 2018, xxxiii-xxxiv. Русский пер. с комментарием: Еланская 2001, 246–252. Из новых исследований, в центре внимания которых находится «Роман о Камбисе», отметим: Habaj 2018. Приходится, однако, констатировать (см. работы, указанные выше), что в науке не существует *communis opinio* относительно времени создания «Романа о Камбисе», а потому неясно, был ли он написан до «Хроники» Иоанна Никиуского или уже после. Впрочем, независимо от решения этого вопроса, на наш взгляд, едва ли стоит соглашаться с теми учеными, которые считают, что либо «Роман о Камбисе» был источником для главы LI сочинения Иоанна Никиуского, либо наоборот (а тем более с тем предположением, согласно которому последний мог быть автором обоих: Cruz-Uribe 1986, 55). Как представляется, речь в данном случае скорее должна идти о некой общей традиции, к которой каждый (то ли напрямую, то ли через чье-то посредничество) независимо и обращался (ср.: Jansen 1950, 27–29; Habaj 2018, 632, n. 3).

[23] По предположению С.А. Французова (высказанному нам лично), искажение этого имени и дало форму Хэстатэс (ср. с греч. Ὑυστάσπης). Если это так, то, с нашей точ-

деле, помимо того, что именно на этом месте закрывается собственно египетская тема, «склейка» здесь легко распознается из-за возвращения последующего повествования к более ранним событиям, а затем повторения в завершении соответствующего отрывка информации об убийстве Александром Дария. К сожалению, точно идентифицировать источник для этого нового отрывка, также не представляется возможным. Принимая, однако, во внимание тот факт, что в нем перечислены цари Персии с указанием времени их правления, а в конце упоминается об Александре как победителе Дария и завоевателе его царства, можно предположить, что это был какой-то труд хронографического характера, до нашего времени не сохранившийся.

При этом трудно сказать, кто был повинен в ошибках и путанице, содержащихся в изложении Иоанном Никиуским событий после сообщения им о бегстве Нектанеба из Египта. Впрочем, факт того, что информация, которую хронист находил у Малалы, у него передается довольно точно, подразумевает такую же манеру его работы и с другими источниками, в том числе и с теми, которые он использовал в данном отрывке, связанном с Александром. Иначе говоря, кажется, что вину за встречающиеся здесь несуразности стоит возлагать скорее на источники Иоанна Никиуского (а в одном месте — где вдруг называется некий Юлиан — на кого-то из поздних переводчиков его труда либо переписчиков)[24], а не на него, хотя, конечно, к каким-то из них мог приложить руку и он, проявив небрежность либо неверно поняв прочитанное.

Далее, со следующей главы (LII), Иоанн Никиуский снова возвращается к труду Малалы как основному источнику, используя его в таком качестве и для своего другого, более подробного рассказа об Александре и его деяниях.

Начиная этот рассказ, он опускает слова Малалы, который, верный провиденциальному взгляду на историю, характерному для большинства визан-

ки зрения, вполне допустимо, что Иоанн Никиуский просто спутал Дария I, сына Гистаспа, с Дарием III, которые упоминались, скорее всего, вместе в его источнике, причем в случае с первым почему-то (может быть, по небрежности) оставил лишь его патронимик. Вместе с тем укажем, что хотя сам А. Зотенбер и не сумел интерпретировать эту форму (Zotenberg 1883, 276, n. 3), он упомянул в данной связи мнение Т. Нёльдеке (Noeldeke 1881, 594), считавшего, что так здесь передано греч. слово ὕστατος («последний»). Это мнение, однако, думается, ослабляется следующим соображением: ввиду того, что в главе LI все персидские цари, за одним исключением (60), называются Иоанном Никиуским по имени, было бы тогда логичным ожидать у него точно такого же, а не описательного, как предлагает Т. Нёльдеке, обозначения и в случае с Дарием III, тем более при первом его упоминании.

[24] Перед нами здесь явная порча оригинального текста. В самом деле, крайне сомнительно, чтобы или источник Иоанна Никиуского, или уже он сам могли допустить у себя столь откровенную бессмыслицу. При этом какое личное имя (вместо Юлиана) на самом деле упоминалось хронистом, сказать сложно.

тийских хронистов, представляет Александра орудием божественного плана, призванным, чтобы сокрушить царство персов (и иных народов, которых Малала с ними ассоциирует)[25]. Вместо этого Иоанн Никиуский ограничивается лишь информацией о воцарении Александра, сделав так, по всей видимости, вследствие того, что ему не была близка идея смены царств древности, о чем говорит ее игнорирование в его труде, несмотря на активную эксплуатацию данной идеи Малалой. Поэтому кажется совсем неудивительным, что Иоанн Никиуский и в дальнейшем своем повествовании об Александре отказывается от повторения соответствующих реплик Малалы, в том числе и сравнения им Александра с барсом (ὡς πάρδαλις), появившегося под влиянием Книги пророка Даниила (7:6), где это — третий из четырех зверей (ὡσεὶ πάρδαλις), выступающих как предзнаменование того, что «четыре царя восстанут от земли».

Что же касается эпизода с основанием Александрии, который приведен у Малалы в общем согласно с «Романом об Александре» (I, 31–33 Kroll), хотя и очень кратко, то его Иоанн Никиуский, напротив, обойти стороной явно не мог. Действительно, он имел самое непосредственное отношение к прошлому родной страны Иоанна Никиуского, которым, как это ясно видно из его сочинения, хронист интересовался особенно. Впрочем, этот эпизод дан у него в усеченном виде: наряду с фиксацией факта основания Александрии Иоанн Никиуский сохранил лишь свидетельство о названии предыдущего поселения на ее месте, добавив от себя (возможно, не без патриотического чувства), что таким оно было на египетском языке[26]. То же, что он отбросил указания Малалы о принесении в жертву Александром юной девы[27] и заложении им в Александрии святилищ, включая святилище Серапису, вполне можно объяснить нежеланием Иоанна Никиуского лишний раз упоминать о событиях, связанных с ненавистным для него язычеством. По всей видимости, ровно по

[25] Таким Александр изображен уже в *Excerpta latina barbari* (p. 244 Frick), латинском переводе (середина VIII в.) некой ранневизантийской хроники, составленной на греческом языке в Александрии (конец V в.). Об Александре как орудии Бога у Малалы см.: Jouanno 2001, 96; 2018b, 464.

[26] См. выше, прим. 12.

[27] Любопытно, что о человеческих жертвоприношениях в «Романе об Александре» не говорится ни слова. Поэтому как данный эпизод, так и все остальные тому подобные эпизоды, время от времени появляющиеся в повествовании Малалы (Jouanno 2001, 96, n. 14), представляют собой дополнения, сделанные самим хронистом (либо его источником). Поступая так, Малала отражает у себя уже широко распространенные к его времени предрассудки, согласно которым человеческие жертвоприношения совершались раньше регулярно, и тем самым показывает ужасные обычаи язычников. По поводу таких предрассудков см., в частности: Chuvin 2011, 257–258.

той же причине он не стал чуть ниже включать в собственное повествование и сообщение Малалы о принесении Александром жертвы на могиле Ахилла в Трое и его просьбе, адресованной к духу последнего, о помощи в ратных делах (а заодно уже и замечание своего предшественника относительно родословной македонского царя).

Вместе с тем по-своему примечательно то, как Иоанн Никиуский перелагает содержащийся у Малалы рассказ о приходе Александра в Визуполь и Диски/Хрисополь, т.е. в места, связанные с позднее возникшим Константинополем[28]. Очевидно, что в результате неудачного сокращения текста Малалы (похоже, вследствие того, что Иоанн Никиуский не сумел идентифицировать Визуполь как Византий) эти два места у него смешались в одно — Хрисополь. При этом стоит полагать, что, сохранив этимологическую легенду о названии данного места, Иоанн Никиуский поступил так отнюдь не из-за интереса к нему (не исключено, что о расположении Хрисополя у него также имелись смутные представления), а потому, что хотел подчеркнуть щедрость Александра — судя по всему, важную для него черту этого монарха.

Последующее изложение Малалы, где он говорит о завоеваниях Александра, подверглось у Иоанна Никиуского значительному сокращению. Он оставил у себя только информацию (сведя ее к отдельному замечанию) о захвате Александром Персидского царства и установлении над ним его власти, причем от себя сделал дополнение об истреблении войск Дария, но вместе с тем опустил указание Малалы о его убийстве. Причина такого отношения Иоанна Никиуского к своему источнику в данном случае, как кажется, не представляет какой-то загадки: если о гибели Дария он уже упоминал выше (LI, 62–63), а потому, по всей вероятности, и не стал говорить об этом еще раз, то остальные сведения хронист явно посчитал для своего сочинения несущественными (тем более что сообщение о победе Александра над Дарием и покорении им его царства Малала повторяет здесь дважды, пусть каждый раз и с добавлением разных деталей). Что, однако, Иоанн Никиуский определенно нашел существенным, а потому и сохранил, это — свидетельство Малалы о взятии

[28] Этот рассказ, в котором предпринята явная попытка соединить историю македонского царя с Константинополем, естественно, отсутствует в «Романе об Александре», созданном раньше перенесения Константином Великим столицы в Византий (о дате его создания см. выше, прим. 18). Визуполь — «город Виза», легендарного основателя Византия (см. у Малалы далее: XII, 20; XIII, 7 Thurn). О Визе: Stoll 1884, 841; Miller 1898, 1158–1159; и теперь особенно: Russell 2017, 205–241. Вопреки утверждению Малалы, Хрисополь под этим своим названием существовал еще до времени Александра (Avram 2004, 981). Относительно приведенного у Малалы предания, связывающего Александра с Константинополем, а также других подобных преданий, встречающихся в более поздней византийской литературе, см.: Berger 2016, 13–20.

Александром в жены Роксаны, названной им в согласии с «Романом об Александре» (II, 20 и 22 Kroll) дочерью Дария. При этом обращает на себя внимание то, что Иоанн Никиуский не преминул дополнить данное свидетельство своей ремаркой, что македонский царь «не делал ей худого». Надо думать, что тем самым он акцентирует внимание еще на одной важной для него черте Александра — милосердию по отношению к женщинам. Во всяком случае, показательно, что эта же черта Александра отмечается Иоанном Никиуским и в самом начале следующего эпизода — о царице Кандаке, которой царь-завоеватель, по словам хрониста, также «не причинял вреда».

История царицы Кандаки, приобретшая большую популярность в том числе и в византийской хронографической литературе, ведет свое происхождение опять-таки из «Романа об Александре» (III, 18–23 Kroll)[29], откуда ее и заимствовал Малала (либо его источник), сильно сократив и переиначив. Помимо иных расхождений с изложением этого рассказа в «Романе об Александре», особенно бросается в глаза то, что в своем повествовании Малала локализует царство Кандаки в Индии (царствовала над «индийцами из глубинной части страны» — τῶν ἐνδοτέρων Ἰνδῶν)[30], тогда как у Псевдо-Каллисфена она именуется «царицей Мероэ» (III, 18 Kroll: βασίλισσα Κανδάκη Μερόης; ibid.: βασίλισσα Κανδάκη ἡ ἐν Μερόῃ), а следовательно, исторически ее владения должны были находиться в Африке, в Нубии/Эфиопии, т.е. являться царством Куш со столицей в городе Мероэ[31]. Впрочем, такая ошибка Малалы, пожалуй, имеет определенное

[29] В «Романе об Александре» (а от него и у Малалы) повторяется широко распространенное в античной традиции заблуждение, что Кандака — личное имя. На самом деле это — титул, который в Кушитском/Мероитском государстве (см. ниже), начиная самое позднее с III в. до н.э. (Bion Sol. FGrHist 668 F 5.1 = Schol. Act. Apost., 8, 27), носили некоторые представительницы царской семьи (*kdke*/*ktke*, по-видимому, «мать царя» либо «сестра царя»). В I в. до н.э. — I в. н.э. ряд этих женщин последовательно правил в царстве Мероэ, сосредоточив в своих руках всю полноту власти в нем. Подробнее см.: Hakem 1981, 302–304; Zach 1992; Sall 1994; Török 1997, 205, 213–214; кроме того: FHN II 85 (с комментарием). О возможном происхождении истории Кандаки в «Романе об Александре» из эпизода о Клеофиде, царице индийцев-ассакенов (Curt., VIII, 10, 22–36; Just., XII, 7, 9–11), см.: Berve 1926, 214 (№ 435), 421 (№ 36); Heckel 2006, 90–91. Предположение о влиянии в данном случае также рассказа о Фалестриде, царице амазонок (Diod., XVII, 77, 1–3; Curt., VI, 5, 24–32; Just., XII, 5–7; ср.: Plut. Alex., 46, 1–2): Jouanno 2001, 95, n. 11; по поводу этого рассказа см., в частности: Berve 1926, 419 (№ 26); Heckel 2006, 262–263.

[30] Аналогично: Ioann. Antioch., fr. 28 Mariev; Georg. Mon., I, p. 33 de Boor; Suda s.v. Ἀλέξανδρος (ср.: s.v. Κανδάκη, где она названа, однако, «царицей эфиопов»); ср.: Georg. Cedren., I, p. 266 Bekker. Неопределенно: Mich. Glyc. Ann., 141 Migne.

[31] Под Эфиопией в античной литературе понималось обычно это царство, располагавшееся на территории древней Нубии (подчас встречалось и более широкое тол-

оправдание: в рассказе о Кандаке в «Романе об Александре» содержится очень много того, что заставляет читателя, не сведущего в том, где в действительности было царство Мероэ, думать о расположении ее царства именно в Индии[32]. Более того, интересно, что Малала сообщает о выступлении Александра сразу после подчинения Кандаки на завоевание Эфиопии, о чем «Роман об Александре», однако, не сообщает. Таким образом, получается, что Малала хотя и не решился совсем оторвать ее царство от этой страны (нубийские элементы рассказа все же, по-видимому, не остались совсем без его внимания), счел последнюю лежащей по соседству с Индией — в духе тех встречающихся еще в античности представлений, в которых Индия и Эфиопия смешивались, а иногда и помещались поблизости друг от друга[33]. Весьма примечательно, что подобной ошибки Малалы Иоанн Никиуский не повторяет: для него Кандака — царица Абиссинии/Эфиопии, хотя и он полагает, отмечая это ниже в своем труде, что абиссинцы и индийцы живут по соседству (XC, 71). Объяснение, почему Иоанн Никиуский в данной связи исправляет Малалу, как кажется, может быть следующим. Это — его знакомство с рассказом о Кандаке еще и из другого источника, свидетельство которого о ней как о царице не Индии, а Эфиопии Иоанн Никиуский нашел более убедительным[34]. Что это был за источник, сказать сложно. Но им точно не являлся сам «Роман об Александре», ибо ничто не говорит о непосредственном чтении этого произведения хронистом (да и отнюдь не обязательно, чтобы Иоанн Никиуский был в состоянии правильно локализовать царство Мероэ, исчезнувшее к его времени уже сравнительно давно[35]). Вместе с тем нельзя исключить и того, что исправить Малалу Иоанна Никиуского побудило (то ли напрямую, то ли скорее уже дополнительно, т.е. вдобавок к почерпнутой им откуда-то иной информации) одно место из Деяний апостолов (8:27): наименование здесь другой Кандаки «царицей эфиопов» (βασίλισσα Αἰθιόπων) вполне могло навести его на мысль о том, что и та Кандака, которая имела дело с Александром, была такой же.

В остальном в рассказе о Кандаке Иоанн Никиуский расходится с Малалой незначительно: в основном эти расхождения происходят из-за сокра-

---

кование — вся Африка к югу от Ливии и Египта). О Кушитском/Мероитском государстве см., к примеру: Shinnie 1978a; Leclant 1981; Hakem 1981; Török 1997; Lohwasser 2013; Wolf, Nowotnick 2020; Grzymski 2020, 545–562.

[32] Schneider 2004, 131–132, 345–348; Szalc 2014; Nawotka 2017, 214–219.

[33] Относительно этого см. теперь особенно: Schneider 2004.

[34] То, что в «Суде» второй раз царство Кандаки локализуется уже не в Индии, как в первый раз, а в Эфиопии (см. выше, прим. 30), говорит об использовании в данном случае автором лексикона также альтернативного источника. Кроме того, о Кандаке как правительнице Мероэ см.: Ioann. Tzetz. Chil., III, 888 Leone.

[35] Ок. 350 г. н.э.

щения им — не всегда удачного — изложения последнего. Во всяком случае, явно неудачным видится то, что Иоанн Никиуский, в отличие от Малалы, оставляет читателя в неведении, каким образом Кандаке удалось идентифицировать прибывшего к ней тайно Александра. При этом, возможно, является отнюдь не случайным, что он решил в данной связи опустить описание внешности македонского монарха, взятое Малалой (либо его источником) из другой части «Романа об Александре» (I, 13 Kroll) и приведенное им у себя немного иначе: не исключено, что такие специфические приметы царя, как низкий рост, но особенно большие, выступающие вперед зубы, не говоря уже о присущей ему гетерохромии (иногда приписывавшейся дьяволу[36]), Иоанн Никиуский посчитал зловещими, а потому и не сочетающимися с тем положительным образом Александра, который он хотел представить в своем сочинении, в том числе и за счет сохранения в нем рассказа о Кандаке. В самом деле, этот рассказ в том виде, в каком его дал Иоанн Никиуский, рисует Александра не только милосердным по отношению к женщинам (как ранее в случае с Роксаной), но еще и мудрым царем, оказавшимся способным по достоинству оценить ум другого правителя. (Кстати, весьма любопытно, что тема с выдачей Александром себя за своего посла, нашедшая отражение в истории о Кандаке Малалы, у Иоанна Никиуского никак не затрагивается — кажется, что хитроумие не было той чертой, которая, по его мнению, удачно подходила к портрету македонского монарха.) С другой стороны, надо полагать, что сохранение Иоанном Никиуским у себя рассказа о Кандаке имело для него значение и по другой причине: тем самым он мог представить достойный внимания эпизод из прошлого страны, которая не просто находилась поблизости от его родного Египта, но и была связана с ним тесным образом как прежде, так и особенно теперь, когда ее монофизитская церковь пребывала под духовной и административной властью Александрийского патриарха[37]. Думается,

[36] Jouanno 2001, 95, n. 12. Относительно описания внешности Александра в «Романе об Александре» см.: Nawotka 2017, 70–71. К. Навотка, однако, допускает неточность, заявляя, что, кроме Псевдо-Каллисфена, единственным автором, упоминающим гетерохромию Александра, был Иоанн Цец (Ioann. Tzetz. Chil., XI, 90–93 Leone) (Nawotka 2017, 71): тем самым он игнорирует релевантное сообщение Малалы (кроме того, см.: Georg. Mon., I, p. 33 de Boor; Mich. Glyc. Ann., 141 Migne, которые в данном случае следуют за Малалой).

[37] Принятие христианства в царстве Аксум приходится приблизительно на середину IV в., в царствах Нубии, появившихся вслед за развалом государства Мероэ, — где-то на середину VI в. После Халкедонского собора в Аксуме доминирующей стала монофизитская церковь, как и на значительной территории Нубии. См.: Shinnie 1978a, 259–265; 1978b; Michalowski 1981; Mekouria 1981; Munro-Hay 1991, 202–213; Phillipson 2012, 91–106.

что все это — возможность посредством рассказа о Кандаке дополнить портрет Александра, а заодно отразить примечательную страницу истории Эфиопии — и сделало его важным для Иоанна Никиуского, стоящим того, чтобы занять целую треть от его основного повествования о македонском царе.

Что же касается конца этого повествования, то оно снова представляет собой усеченную версию соответствующей части изложения Малалы. Иоанн Никиуский оставляет у себя лишь сведения о том, что, находясь при смерти, Александр разделил свое царство между четырьмя своими соратниками (забегая дальше, т.е. уже за пределы интересующего нас рассказа о македонском монархе, заметим, что это, как и у Малалы, — Филипп III Арридей, Птолемей Лаг, Антигон Одноглазый и Селевк). Очевидно, что в повторении за Малалой сухого перечня цифр, которые тот дает в связи с правлением Александра и его завоеваниями, завершая тем самым у себя изложение его истории, Иоанн Никиуский не увидел необходимости: он, вероятно, посчитал сведения подобного рода просто неспособными добавить ничего существенного к тому, что им уже и так написано об Александре (да и вообще Иоанн Никиуский, насколько можно судить, старался в своем сочинении опускать всякого рода исчисления, особенно хронологического плана, встречающиеся у Малалы периодически).

Подведем итоги. Хотя, как это видно, сведения, касающиеся Александра, Иоанн Никиуский черпал для своей «Хроники» главным образом из труда Малалы, перелагая его, есть все основания полагать, что он обращался в данной связи и к другим источникам. К сожалению, идентифицировать их не представляется возможным. Вместе с тем понятно, что их ценность с точки зрения качества представленного в них материала, по крайней мере, того, который имеет отношение к истории Александра, была совсем не велика, если не ничтожна, не больше чем ценность соответствующих сведений, сообщаемых Малалой. Эти источники Иоанн Никиуский использовал, чтобы или дополнить, или исправить, когда считал нужным, то, что он находил у Малалы. Основное, однако, что отличает текст Иоанна Никиуского от текста Малалы, является результатом сокращения последнего. Нет сомнения, что такого рода работу Иоанн Никиуский осуществлял не беспорядочно, исключительно ради уменьшения объема рассказа Малалы, но достаточно продуманно (хотя в его повествовании об Александре и имеется ряд неудачных сокращений), исходя из определенных принципов: хронист сохранял у себя все то, что для него казалось важным и внушающим доверие, а также согласующимся с тем образом Александра, который он намеревался вывести в своем сочинении. Кроме того, очевидно, что созданию подобного образа должны были служить и несколько собственных добавлений Иоанна Никиуского.

Таким образом, из сказанного ясно, что история Александра, нашедшая отражение в «Хронике» Иоанна Никиуского, отнюдь не является всего лишь усеченной версией соответствующего рассказа Малалы, но отличается известной самостоятельностью. И следовательно, на наш взгляд, можно вполне говорить, что представленный у него образ Александра занимает свое особое, пусть и весьма скромное, место в галерее образов великого царя-завоевателя, которые мы находим в литературе византийского мира.

Литература / References

Avram, A. 2004: The Propontic Coast of Asia Minor. In: Hansen, M. H., Nielsen, Th. H. (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Greek Poleis*. Oxford, 975–999.

Berger, A. 2016: Alexander der Große am Bosporus. In: Sode, C., Takács, S. (eds.), *Novum Millenium. Studies on Byzantine History and Culture Dedicated to Paul Speck, 19 December 1999*[2]. London–New York, 13–20.

Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. II. München.

Bolshakov, O. G. 2002: *Istoriya khalifata* [*A History of the Khalifah*]. II. Moscow.
Большаков, О. Г. 2002: *История халифата*. II. M.

Booth, Ph. 2013: The Muslim Conquest of Egypt Reconsidered. In: Zuckerman, C. (ed.), *Constructing the Seventh Century*. Paris, 639–670.

Bourier, P. H. 1898: *Über die Quellen der ersten vierzehn Bücher des Johannes Malalas*. Augsburg.

Butler, A. J. 1978: *The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of Roman Dominion*[2]. Oxford.

Carrara, L., Meier, M., Radtki-Jansen, Ch. (eds.) 2017: *Die Weltchronik des Johannes Malalas. Quellenfragen*. Stuttgart.

Charles, R. H. 1916: *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, Translated from Zotenberg's Ethiopic Text*. London.

Christides, V. 2016: John, Bishop of Nikiou's Chronicon (Seventh Century A.D.): An Indispensable Source for the Study of the Arab Conquest of Egypt and Its Aftermath. *Journal for Semitics* 25, 748–768.

Chuvin, P. 2011: *Chronique des derniers païens. La disparition du paganisme dans l'Empire romain, du règne de Constantin à celui de Justinien*[3]. Paris.

Croke, B., Scott, R. 2017: Byzantine Chronicle Writing. In: Jeffreys, E., Croke, B., Scott, R. (eds.), *Studies in John Malalas*. Leiden–Boston, 27–54.

Cruz-Uribe, E. 1986: Notes on the Coptic Cambyses Romance. *Enchoria* 14, 51–56.

Elagina, D. 2018: *The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiou: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version*. Diss. Hamburg.

Elanskaya, A. I. 2001: *Izrecheniya egipetskikh otzov. Pamyatniki literatury na koptskom yazyke* [*The Egyptian Fathers' Sayings. Literary Monuments in Coptic*]. St. Petersburg, 2001.
Еланская, А. И. 2001: *Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке.* СПб., 2001.

Fiaccadori, G. 2009: John of Nikiou. In: Thomas, D., Roggema, B. (eds.), *Christian-Muslim*

Relations. A Bibliographical History. I. Leiden–Boston, 209–218.

Frantsouzoff, S. A. 2010a: Ioann, ep. Nikiuskiy [John, Bishop of Nikiu]. In: *Pravoslavnaya entziklopediya.* XXIII, 371–372.

Французов, С. А. 2010a: Иоанн, еп. Никиуский. В: *Православная энциклопедия.* XXIII, 371–372.

Frantsouzoff, S. A. 2010b: Khronika Ioanna Nikiuskogo: nekotorye osobennosti yazyka i soderzhaniya [The Chronicle of John of Nikiu: Some Peculiarities of Its Languages and Contents], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* 4 (22). Seriya III: Filologiya, 77–86.

Французов, С. А. 2010b: Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета* 4 (22). Серия III: Филология, 77–86.

Frazer, P. M. 1991: John of Nikiou. In: *The Coptic Encyclopedia*. V, 1366–1367.

Grzymski, K. 2020: The City of Meroe. In: Emberling, G., Williams, B. B. (eds.), *The Oxford Handbook of Ancient Nubia*. Oxford, 545–562.

Habaj, M. 2018: Some Notes on the Historical Background of the Cambyses Romance. *Vestnik drevney istorii* 3, 629–643.

Hakem, A. A. 1981: The Civilization of Napata and Meroe. In: Mokhtar, G. (ed.), *General History of Africa II. Ancient Civilization of Africa*. California, 298–325.

Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford.

Howard-Johnston, J. 2010: *Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century*. Oxford.

Jansen, H. L. 1950: *The Coptic Story of Cambyses' Invasion of Egypt. A Critical Analysis of Its Literary Form and Its Historical Purpose*. Oslo.

Jeffreys, E. 2017: Malalas' Sources. In: Jeffreys, E., Croke, B., Scott, R. (eds.), *Studies in John Malalas*. Leiden–Boston, 167–216.

Johnson, D. W. 1991: John of Nikiu. In: *The Oxford Dictionary of Byzantium*. II, 1066.

Jouanno, C. 2000–2001: La recéption du Roman d'Alexandre à Byzance. *Ancient Narrative* 1, 301–321.

Jouanno, C. 2001: L'image d'Alexandre le Conquérant chez les chroniqueurs byzantins (VIe-XIIe siècles). *Kentron* 17, 93–106.

Jouanno, C. 2018a: Alexander Romance and Byzantine World Chronicles: History Cross-Fertilized by Fiction and the Reverse. In: Stoneman, R., Nawotka, K., Wojciechowska, A. (eds.), *The Alexander Romance: History and Literature*. Groningen, 225–244.

Jouanno, C. 2018b: Byzantine Views on Alexander the Great. In: Moore, K. R. (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Alexander the Great*. Leiden–Boston, 449–476.

Kaldellis, A. 2022: Alexander the Great in Byzantine Tradition, AD 330–1453. In: Stoneman, R. (ed.), *A History of Alexander the Great in World Culture*. Cambridge, 216–241.

Leclant, J. 1981: The Empire of Kush: Napata and Meroe. In: Mokhtar, G. (ed.), *General History of Africa II. Ancient Civilization of Africa*. California, 278–297.

Lohwasser, A. 2013: Die meroitische Periode des Reiches von Kusch (um 270 v. Chr. – ca. 330/350 n. Chr.). In: Wenig, S., Zibelius-Chen, K. (eds.), *Die Kulturen Nubiens – ein afrikanisches Vermächtnis*. Dettelbach, 227–244.

Mekouria, T. T. 1981: Christian Aksum. In: Mokhtar, G. (ed.), *General History of Africa II. Ancient Civilization of Africa*. California, 401–420.

Merkelbach, R. 1977: *Die Quellen des griechischen Alexanderromans*². München.

Michalowski, K. 1981: The Spreading of Christianity in Nubia. In: Mokhtar, G. (ed.), *General History of Africa II. Ancient Civilization of Africa*. California, 326–338.

Miller, J. 1898: Byzas. In: *Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. III.1, 1158–1159.

Moennig, U. 2016: A Hero Without Borders: 1 Alexander the Great in Ancient, Byzantine and Modern Greek Tradition. In: Cupane, C., Krönung, B. (eds.), *Fictional Storytelling in the Medieval Eastern Mediterranean and Beyond*. Leiden–Boston, 159–189.

Müller, C. D. G. 1991: The Cambyses Romance. In: *The Coptic Encyclopedia.* VII, 2060–2061.

Munro-Hay, S. 1991: *Aksum. An African Civilisation of Late Antiquity*. Edinburgh.

Nawotka, K. 2017: *The Alexander Romance by Ps.-Callisthenes. A Historical Commentary*. Leiden–Boston.

Nöldeke, T. 1881: Rev. of La Chronique de Jean évêque de Nikiou. Notice et extraits par M. H. Zotenberg. Paris. Imprimerie Nationale 1879. (Extrait du Journal asiatique. 1877 no. 15). 264 S. in 8⁰. *Göttingische Gelehrte Anzeigen* 1, 587–594.

Phillipson, D. W. 2012: *Foundation of an African Civilisation. Aksum & the Northern Horn, 1000 BC – AD 1300*. Suffolk–Rochester, 91–106.

Russell, T. J. 2017: *Byzantium and the Bosporus. A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople*. Oxford.

Sall, B. 1994: L'avènement des Candaces. *Ankh* 3, 69–81.

Schäfer, H. 1899: Bruchstück eines koptischen Romans über die Eroberung Aegyptens durch Kambyses. *Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin* 38, 727–744.

Schneider, P. 2004: *L'Éthiopie et l'Inde. Interférences et confusions aux extrémités du monde antique*. Rome.

Shinnie, P. L. 1978a: The Nilotic Sudan and Ethiopia, c. 660 BC to c. AD 600. In: Fage, J. D. (ed.), *The Cambridge History of Africa*. II. Cambridge, 210–271.

Shinnie, P. L. 1978b: Christian Nubia. In: Fage, J. D. (ed.), *The Cambridge History of Africa*. II. Cambridge, 556–588.

Sijpesteijn, P. 2007: The Arab Conquest of Egypt and the Beginning of Islamic Rule. In: Bagnall, R. S. (ed.), *Egypt in the Byzantine World, 300–700*. Cambridge, 437–459.

Stoll, H. W. 1884: Byzas. In: *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. I, 841.

Stoneman, R. 1991: *The Greek Alexander Romance. Translated with an Introduction and Notes by R. Stoneman*. London.

Szalc, A. 2014: Kandake, Meroe and India – India and the Alexander Romance. In: Grieb, V., Nawotka, K., Wojciechowska, A. (eds.), *Alexander the Great and Egypt. History, Art, Tradition. Wrocław/Breslau 18./19. Nov. 2011*. Wiesbaden, 377–390.

Török, L. 1997: *The Kingdom of Kush. Handbook of the Napatan-Meroitic Civilization*. Leiden–New York.

Weninger, S. 2007: John of Nikiu. In: *Encyclopedia Aethiopica.* III, 298–299.

Witakowski, W. 2006: Ethiopic Universal Chronology. In: Wallraff, M. (ed.), *Julius Africanus und die christliche Weltchronistik*. Berlin–New York, 285–301.
Wolf, P., Nowotnick, U. 2020: The Meroitic Heartland. In: Emberling, G., Williams, B. B. (eds.), *The Oxford Handbook of Ancient Nubia*. Oxford, 511–544.
Yirga, F.-S. S. 2020: *The Chronicle of John of Nikiu: Historical Writing in Post-Roman Egypt*. Diss. Ohio.
Zach, M. 1992: Meroe: Mythos und Realität einer Frauenherrschaft im antiken Afrika. In: Specht, E. (ed.), *Nachrichten aus der Zeit. Ein Streifzug durch die Frauengeschichte des Altertums*. Wien, 73–114.
Zotenberg, H. 1883: *Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien*. Paris.

